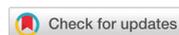

АДАПТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРИФЕРИЙНОГО РЕГИОНА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРОХОЛДИНГОВ

К. А. Морачевская^{1, 2}

Е. А. Лыжина¹

А. Б. Себенцов¹

М. С. Карпенко¹

¹ Институт географии Российской академии наук,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4

² Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Принята к публикации 07.11.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

© Морачевская К. А., Лыжина Е. А.,
Себенцов А. Б., Карпенко М. С., 2024

Агрохолдинги нередко называют главными бенефициарами, с одной стороны, организационно-структурных изменений в сельском хозяйстве России в постсоветский период, а с другой — преобразований государственной политики в ответ на современные геополитические вызовы. В статье оценивается адаптация территориальной и отраслевой структуры сельского хозяйства периферийного в социально-экономическом отношении региона к распространению деятельности агрохолдингов. Работа основана на официальных статистических сведениях, базе данных компаний СПАРК, ресурсах Федеральной государственной информационной системы ВетИС, Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения, а также на многолетних полевых исследованиях авторов. Исследование показало, что деятельность агрохолдингов способна полностью преобразовать сельскохозяйственный профиль депопулирующего нечерноземного региона в отношении специализации и организационной структуры отрасли и привести к ее восстановительному росту. На примере Псковской области показано, как распространение активов агрохолдинга стремительно охватывает периферийные районы с легким доступом к свободной земле и наиболее низкой плотностью сельского населения. Проведенные интервью доказали, что животноводческие (прежде всего свиноводческие) агрохолдинги выступают бенефициарами социального опустынивания сельской местности. Экспансия агрохолдингов сопровождается еще большим ослаблением экономики сельских сообществ из-за полного исчезновения скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах граждан. Новая свиноводческая специализация Псковской области ожидается и приводит к другим изменениям в сельском хозяйстве — наращиванию зернового хозяйства, где наблюдается рост объемов производства, но в территориальном отношении нет ярко выраженных центров.

Ключевые слова:

сельское хозяйство, адаптация, Псковская область, продовольственное эмбарго, санкции, пространственное сжатие

Для цитирования: Морачевская К. А., Лыжина Е. А., Себенцов А. Б., Карпенко М. С. Адаптация территориальной организации сельского хозяйства периферийного региона к деятельности агрохолдингов // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 121–144. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

Введение и постановка проблемы

Государственная политика в сфере развития агропромышленного комплекса в странах мира нередко выражается в применении стимулирующих мер общего характера. В территориальном отношении они, как правило, эффективны для территорий с благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства или близко расположенных к крупным городским агломерациям. В организационном же отношении стимулирующие меры вносят наибольший положительный вклад в развитие крупных игроков продовольственного рынка. Ареалы распространения последних, в свою очередь, выходят за границы наиболее привлекательных для агропромышленного комплекса регионов, часто становятся фактором существенных преобразований периферийных территорий [1].

Оживление сельскохозяйственного производства в России в 2000-е гг. сопровождалось постепенным его сдвигом на юг, в то время как во многих районах Нечерноземья спад не останавливался и сопровождался масштабными демографическими потерями [2]. Во многом это было связано с агрохолдингами, которые, по мнению С. Ю. Барсуковой [3], стали «неожиданным результатом» российской аграрной реформы 1990-х гг. Они же выступили главными бенефициарами изменений, происходящих на внешнем и внутреннем треках развития страны. Скачкообразная девальвация рубля, наблюдавшаяся после кризиса 1998 г. и повторявшаяся в последующие годы (2008, 2014—2016, 2022—2024) сделала выгодными инвестиции в производства, ориентированные как на экспорт, так и на внутренний рынок (для замещения дорожающего импорта). Тесные контакты агрохолдингов с региональными и даже федеральными властями позволили им аккумулировать значительную часть государственной поддержки сельхозпроизводства.

Вступление в 2012 г. России в ВТО по ряду оценок предполагало масштабное сокращение государственной поддержки сельскохозяйственного производства. Это было связано со снижением тарифов и тарифных квот, уменьшением возможностей по манипулированию фитосанитарными ограничениями, сокращением прямой финансовой поддержки производителей и экспортеров и др.¹. Ожидалось, что с наибольшими сложностями должно было столкнуться животноводство, поэтому именно его отрасли стали приоритетным направлением поддержки со стороны государства [4].

Геополитический кризис 2014 г., западные санкции и российский ответ на них создали условия для обхода норм и правил ВТО. Был ограничен ввоз сельскохозяйственной продукции из стран ЕС и ряда других стран, а также возросли объемы финансовой и организационной поддержки собственного сельского хозяйства. Агрохолдинги внесли значимый вклад в быстрое импортозамещение и наращивание экспортного потенциала, однако их деятельность создавала риски для фермеров и личных подсобных хозяйств граждан, а по некоторым оценкам, и в целом для сельских сообществ [2].

В дополнение к данному контексту стоит отметить, что задачи развития различных отраслей экономики приграничных регионов всегда рассматривались в контексте функций приграничья. Оно не только форпост, но и зона контакта и транзита, место формирования экспортных потоков и «витрина», демонстрирующая успешность государства [5]. Однако в таких приграничных регионах, как Псковская область, многие негативные тенденции в сельском хозяйстве и динамике сельского населения проявлялись еще сильнее, чем в других регионах Нечерноземья. Ска-

¹ Нормы и правила ВТО в области сельского хозяйства и развитие российского АПК, Центр по изучению вопросов таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, ФАО, 2013, 24 с.

зывалась периферийность, высокая конкуренция с соседями, сельское хозяйство которых активно дотировалось национальными, а в случае Прибалтийских стран и наднациональными властями, стремительная депопуляция в сельской местности.

Со второй половины 2000-х гг. и особенно после 2014 г. агрохолдинги во многих приграничных регионах стали играть все более значимую роль. Они способствовали появлению новых отраслей специализации, развитию новых межрегиональных связей, появлению новых, в том числе экспортоориентированных предприятий пищевой промышленности. Предыдущие исследования в других регионах приграничья показали, насколько разнообразным было их влияние на устойчивость местных сообществ, решение задач продовольственной безопасности [6] и трансграничные практики местного населения [7].

Цель данной работы состоит в том, чтобы оценить, во-первых, как менялось сельскохозяйственное производство Псковской области в условиях санкций и рестрикций, а во-вторых, как распространение агрохолдингов (территориальное расширение активов) в последнее десятилетие связано с трендами в динамике структуры сельского хозяйства региона.

Обзор опыта предшествующих исследований

Агрохолдинги представляют собой совокупность сельскохозяйственных организаций, контрольные пакеты акций которых принадлежат холдинговой (управляющей) компании [8]. При этом управляющая компания контролирует несколько сельскохозяйственных, перерабатывающих и иных предприятий, каждое из которых является отдельным юридическим лицом с различной правовой формой. Агрохолдинги — специфические образования, распространенные лишь в ограниченном числе регионов мира. Такая форма организации агробизнеса наиболее широко представлена в странах Восточной Европы, Латинской Америки (Бразилия, Аргентина), Австралии, Китае, а также на территории постсоветского пространства (особенно велика их значимость в России, Украине и Казахстане) [9; 10].

В научной литературе существует несколько подходов к трактовке понятия «агрохолдинг». Стоит отметить, что в юридическом поле понятий «агрохолдинг» или схожих с ним не закреплено.

Многие ученые-экономисты рассматривают «агрохолдинг» как определенную форму организации бизнеса [11; 12]. Такой бизнес строится по холдинговому типу, представляя собой совокупность управляющей организации и дочерних компаний. Также одной из основных черт является концентрация прав на землю. Исследователи не достигли консенсуса в отношении минимальных размеров агрохолдингов. Некоторые ученые руководствуются относительными параметрами [13], часть авторов выдвигает конкретные критерии. Так, в работе Ф. Херманса и соавторов типичные размеры агрохолдингов — 500 тыс. га [9]. П. Грулье утверждает, что чаще всего размер агрохолдинга превышает 27 тыс. га [14]. Н. И. Шагайда и В. Я. Узун определяют размер агрохолдинга исходя не из площади подконтрольных земель, а основываясь на показателях выручки предприятий [15—17]. Руководствуясь нормативно-правовыми актами в отношении малого и среднего бизнеса, авторы выдвигают нижнюю границу совокупной выручки агрохолдинга — 2 млрд руб. Ученые-экономисты не всегда говорят об агрохолдингах как о вертикально интегрированных образованиях. Часть авторов единственным критерием при выделении агрохолдинговых компаний обозначает наличие активов в сельском хозяйстве [16; 18]. В зарубежной литературе агрохолдингами считаются компании как горизонтально, так и вертикально интегрированные [9; 13; 19]. Также стоит отметить, что практически все авторы указывают на невозможность контрактных отношений при такой форме организации.

Некоторые ученые-географы придерживаются понятия, приводимого экономистами, и рассматривают агрохолдинги как форму организации бизнеса [20—22], но такой подход достаточно редок. Чаще первостепенно важными оказываются вертикальная интеграция и охват нескольких сфер экономики — сельского хозяйства, переработки и торговли [23—25].

В целом можно выделить два подхода к определению агрохолдинга. Первый — экономический, при котором агрохолдинг представляет собой «зонтичную систему», где выделяется компания-интегратор и дочерние организации. При таком подходе важными являются структура и размер предприятия (при определении ориентируются на совокупную выручку групп компаний, принадлежащую компании площадь), а не профиль деятельности компании (агрохолдинг может как заниматься только сельскохозяйственной деятельностью, так и интегрировать всю цепочку производства продукции). Второй подход — экономико-географический. Агрохолдинги выделяются непосредственно по составу активов (компания должна охватывать всю цепочку производства: от поля до прилавка).

Учитывая важность оказываемого такими видами компаний влияния на территориальную организацию производства сельскохозяйственной продукции, под агрохолдингом в данной статье мы будем понимать не только организации холдингового типа, имеющие активы в сельском хозяйстве, но и все крупные, корпоративные, вертикально интегрированные структуры, имеющие полную цепочку производства пищевой продукции.

Развитие агрохолдингов и усиление их роли в производстве сельскохозяйственной продукции приводят к значимой трансформации территориальной организации сельскохозяйственного производства. Исследования по выявлению основных территориальных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции лишь частично рассматривают роль агрохолдингов в этих трансформациях. В основном они представляются в виде рассмотрения отдельных кейсов наиболее крупных компаний на страновом или региональном уровнях. Как правило, сельскохозяйственные активы агрохолдингов, вне зависимости от типа компании-интегратора, располагаются рядом с крупными рынками сбыта, территориями, обеспеченными трудовыми и природными ресурсами [24; 26; 27]. Помимо этого достаточно часто сельское хозяйство агрохолдингов развивается на месте наиболее жизнеспособных хозяйств на юге страны [28]. На региональном уровне значимым условием для распространения агрохолдингов стала развитая инфраструктура [27]. Вследствие того что лишь для небольшого числа территорий характерны перечисленные условия, концентрация сельскохозяйственной деятельности агрохолдингов происходит в ограниченном числе регионов. Особо значимы процессы для производства высокомаржинальной продукции (свинины, птицы, продуктов растениеводства) [29]. Также агрохолдинги «разрывают» процесс производства: производство животноводческой продукции концентрируется вблизи крупных рынков сбыта, а заготовка кормов осуществляется в районах с наиболее благоприятными агроклиматическими условиями [26; 27].

Отмечается, что деятельность агрохолдингов на региональном уровне кардинальным образом не изменяет, но значимо трансформирует территориальную организацию сельскохозяйственного производства, ускоряя процессы поляризации [27]. Помимо этого значимо влияние агрохолдингов на организационную структуру производства и отраслевую специализацию. Так, с приходом агрохолдингов в регион все большая часть производства сельскохозяйственной продукции концентрируется в сельскохозяйственных организациях [23]. При этом происходит «схлопывание» малых форм хозяйствования [30], а оставшиеся часто расширяют профиль своей деятельности, стараясь охватить как можно больше отраслей [27]. Деятельность крупных агрохолдингов приводит к вытеснению традиционных отраслей специализаций как отдельных районов, так и регионов в целом [30].

Изучение агрохолдингов за рубежом сконцентрировано преимущественно на рассмотрении эффективности производства сельскохозяйственной продукции в таких формированиях [31; 32]. Отдельный пласт работ затрагивает агрохолдинги в контексте конфликтов землепользования и обеспечения продовольственной безопасности [33].

Вопрос связи политики санкций, тенденций в агропроизводстве и экспансии агрохолдингов изучен недостаточно хорошо: сказывается относительная закрытость крупных игроков агрорынка. Однако некоторые исследования свидетельствуют о том, что после 2014 г. поддержка агрохолдингов стала фактическим приоритетом властей, а их зависимость от этой поддержки чрезвычайно высока [13]. В некоторых работах агрохолдинги характеризуют прежде всего как бенефициаров санкционной политики, которые смогли занять освободившиеся ниши, значительно расширить производство и даже наладить экспорт своей продукции в другие страны [3]. Другие исследования, особенно вышедшие после 2022 г., фокусируют внимание на потенциальных проблемах агрохолдингов и всего отечественного АПК в целом — зависимость от поставок западной техники, селекции и генетики, средств защиты растений и др. Подчеркивается, что именно агрохолдинги особенно зависимы от международной кооперации, поэтому регионы их присутствия будут особенно чувствительны к санкционному воздействию. С другой стороны, отмечается большой адаптивный потенциал этой формы хозяйствования, подпитываемый льготными кредитами и различными программами государственной поддержки [34].

Изучению изменений в территориальной организации производства сельскохозяйственной продукции конкретно в Псковской области посвящено незначительное число исследований. С. П. Клейменов изучил историю постсоветской трансформации АПК региона и выявил, что из-за сокращения доходов населения в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. и, как следствие, потребления продуктов из молока и мяса пищевые производства переориентировались на более крупные рынки Москвы и Санкт-Петербурга. В этот же период произошел переход на импортное сырье (сухое молоко и замороженное мясо). В 2010-х гг. рост доходов населения, увеличение спроса на молочные и мясные продукты у жителей Псковской области, а также сокращение внутреннего собственного производства сырого молока и мяса привели к необходимости формирования собственной сырьевой базы крупными комбинатами — Великолукским молочным комбинатом, Великолукским мясным комбинатом и Псковским мясным комбинатом [35].

Нередко деятельность агрохолдингов для периферийных районов связана с достижением их продовольственной самообеспеченности [36]. Однако более часто в качестве инструмента развития периферии рассматривается поддержка локального фермерства, особенно в европейских странах [37; 38]. Так или иначе, исследование периферийных территорий как арены деятельности разных игроков агропродовольственного бизнеса представляет особый интерес.

Материалы и методы исследования

Работа опирается на анализ официальных данных Федеральной службы государственной статистики и ее территориального подразделения по Псковской области, сведения Северо-Западного таможенного управления, а также отчеты компании «Агроэкспорт» по экспорту сельскохозяйственной продукции. Кроме того, поскольку в России не ведется статистический учет по агрохолдинговым формированиям, нами была разработана собственная схема сбора данных о территориальном размещении активов агрохолдингов, апробированная на материалах Псковской области. На первом этапе формировался перечень агрохолдингов на основании базы данных компаний СПАРК. Далее по каждой компании с помощью данных ФГИС ВетИС

определялся перечень сельскохозяйственных активов, устанавливались их месторасположение и профиль деятельности. После этого на основании данных с других ресурсов (Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения, Google Earth и пр.) собиралась информация о датах постройки сельскохозяйственных активов, необходимая для анализа территориальной экспансии холдинга.

Интерпретации данных помогли многолетние экспедиционные исследования авторов на территории Псковской области, в частности экспертные интервью с представителями органов власти, производителями сельскохозяйственной продукции и ее переработчиками, проведенные в 2016—2017, 2021 и 2024 гг. в Пскове, Великих Луках, Порхове, Печорах, Невеле, Себеже, Гдове, Пушкинских Горах и окружающих их районах.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика развития сельского хозяйства

Кризис сельскохозяйственного производства, наблюдавшийся в Псковской области после 1991 г., был глубоким даже на фоне других регионов Нечерноземья. В конце советского времени регион специализировался на молочно-мясном животноводстве и льноводстве. Зернобобовые культуры, картофель, кормовые культуры (люцерна, клевер и др.) предшествовали льну в севооборотах для насыщения почвы азотом и одновременно были ценным лактогенным кормом для молочного стада. В 1990-е гг. молочное скотоводство и льноводство оказались в трудном финансовом положении, не выдержали конкуренции с аналогичными отраслями в соседней Беларуси, где сельскохозяйственные предприятия, пищевая и легкая промышленность активно дотировались государством. Уже в 1995 г. объемы производства продукции сельского хозяйства сократились почти в два раза к уровню 1991 г. В 2000 г. объем сельскохозяйственного производства не превышал 42 % от уровня 1991 г. Спад замедлился, но не прекратился.

Первые признаки стабилизации ситуации в отрасли появились в 2007—2009 гг., но общее снижение объемов сельхозпроизводства все еще наблюдалось (рис. 1). Период 2010-х гг. ознаменовался, наконец, сменой тренда на восходящий. Отметим, что общий объем сельскохозяйственного производства в 2022 г. практически удвоился по сравнению с 2014 г., однако все еще составлял 65 % от уровня 1991 г.

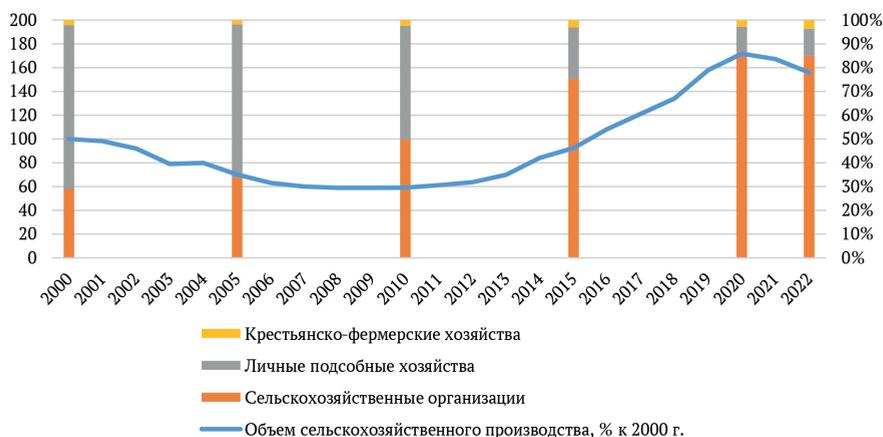

Рис. 1. Динамика общего объема и организационной структуры производства продукции сельского хозяйства в Псковской области с 2000 по 2022 г., %

Изменения были связаны с коренной перестройкой организационной структуры отрасли. В 1995 г. сельскохозяйственные организации снизили производство на 65 %, хозяйства населения — на 35 %. Только зарождающиеся крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) увеличили производство в три раза — источником их роста была деградирующая колхозная система. В 2000-е гг. личные подсобные хозяйства (ЛПХ) граждан производили 69 % продукции, в то время как на сельскохозяйственные организации приходилось не более 30 %.

Неблагоприятная демографическая ситуация в регионе способствовала значительной деградации сельского расселения, что привело к быстрому сокращению производства в ЛПХ — на 8–10 % ежегодно. В 2010 г. на долю КФХ приходилось около 3 % продукции, а остальное примерно поровну производили сельскохозяйственные организации и ЛПХ.

После 2010 г. рост производства практически полностью обеспечивался сельскохозяйственными организациями: в 2010–2013 гг. его средние темпы составляли около 4,5 %, в то время как в 2014–2020 гг. — чуть менее 14 %. Уже в 2016 г. сельскохозяйственные организации превзошли объемы производства 1991 г., а в 2020 г. удвоили свои показатели. За постсоветский период КФХ нарастили объемы производства в 6,7 раза, сельскохозяйственные организации — в 1,9 раза, хозяйства населения снизили производство более чем в 10 раз. В результате в 2022 г. 85 % продукции производили сельскохозяйственные организации, 11,3 % — ЛПХ и только 3,6 % приходилось на КФХ.

Масштабные изменения структуры производства по категориям хозяйств сопровождалось и значимыми сдвигами в соотношении и объемах производства в ведущих отраслях сельского хозяйства.

В 2000-е гг. главным драйвером роста стало свиноводство — с 2000 г. поголовье свиней выросло в 14,7 раза, при этом основной рост пришелся на период после 2011 г. (рис. 2). С 2000 г. производство скота и птицы на убой выросло в 8,7 раза, а темпы роста заметно увеличились после 2014 г.

Рис. 2. Динамика поголовья свиней и производства скота и птицы на убой, % к 2000 г.

Поголовье крупного рогатого скота (КРС), наоборот, стремительно сокращалось (рис. 3). С 2000 г. число голов КРС упало более чем в 3 раза, в том числе на 27 % к уровню 2014 г. Аналогичные процессы происходили и с молочным стадом. Однако влияние бизнеса соседних Санкт-Петербурга и Ленинградской области в структуре АПК в сочетании с благоприятной конъюнктурой в молочной отрасли в связи с

продовольственным эмбарго 2014 г. выразилось в открытии новых молочных ферм. Они, в свою очередь, обеспечили заметный рост эффективности на фоне кратного с 2000 г. роста надоев (в 4,4 раза). Общее производство молока на 8 % превысило уровень 2014 г. (65 % от уровня 2000 г.).

Рис. 3. Динамика основных показателей сельскохозяйственного производства, % к 2000 г.

Производство яиц в регионе сокращалось. Период незначительного роста после 2017 г. был связан прежде всего с производством инкубационного яйца в племрепродукторе «Назия» (рис. 3).

Непростая ситуация наблюдалась в растениеводстве: размер посевных площадей с 1990 г. сократился в 4,3 раза, в том числе в период с 2014 г. на 16 %. При этом их структура мало изменилась с начала 1990-х гг. Как и прежде, ведущую роль в посевах играют кормовые (65 % в 2020 г.) и зерновые культуры (23 %, в основном пшеница). Около 10 % площадей занято картофелем. Технические культуры, как и раньше, занимают 7 %, однако вместо льна теперь выращивают рапс.

Заметные позитивные изменения происходили после 2010 г. в зерновом хозяйстве. Принципиально выросли объемы производства. Одновременно значительно повысилась урожайность (в 2,6 раза с 2010 г. и в 3,7 раза с 2000 г.).

В одной из исторически значимых отраслей в регионе — картофелеводстве, где доля личных подсобных хозяйств была всегда высока (93 % в 2000 г.), объемы производства в 2000—2022 гг. снизились в 2,3 раза, но после 2014 г. наблюдались и периоды роста. В 2022 г. доля хозяйств населения едва превышала 50 %. Урожайность культуры увеличилась в 1,4 раза с 2014 г. (в 1,9 раза с 2000 г.).

Валовой сбор овощей практически не изменился, однако если в 2000 г. доля населения в их производстве составляла свыше 90 %, то в 2022 г. — 56 %. При этом доля сельхозорганизаций выросла с 9 до 30 %, что никак не повлияло на урожайность.

Изменения в секторе АПК заметно сказались на структуре внешней торговли региона. Псковская область исторически обладала достаточно низким экспортным потенциалом, а за период с 2005 по 2021 г. ее доля в общем объеме российского экспорта снизилась с 0,16 до 0,05 %. Однако с 2010 г. внутри региона произошли заметные изменения как в объемах, так и в структуре экспорта. Анализ экспортных поставок из Псковской области показал стоимостной рост продовольствен-

ных групп товаров и сельхозсырья, древесины и изделий из нее с 2010 по 2021 г. Особенно стремительно увеличивался экспорт продовольствия (в 6,8 раз). Соотношение ключевых экспортных товаров в 2010 и 2021 гг. существенным образом изменилось. Доля деревообработки в экспорте региона с 2010 г. выросла в 1,5 раза (с 18,3 % в 2010 г. до 27,3 % в 2021 г.), продовольствия и сельхозсырья — в 1,6 раза (с 12,9 % в 2010 г. до 21,2 % в 2021 г.), машин и оборудования — сократилась в 4,2 раза (с 51,3 % в 2010 г. до 12,2 % в 2021 г.). Таким образом, экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья из Псковской области показал наилучшую динамику по сравнению с другими группами товаров, отправляемых на экспорт.

В 2010—2014 гг. в структуре экспорта заметную долю занимало молочное направление. С 2012 по 2018 г. существенная доля продукции в экспорте Псковской области приходилась на рыбную продукцию (филе свежей рыбы и рыбная консервация) — в среднем за этот период около 50 %. С 2016 г. доля мясного направления (свинина свежая, охлажденная, замороженная, колбасы) в экспорте ежегодно растет, а с 2019 года она становится преобладающей (43 %, или 18,7 млн долл.). Рыбная продукция теряет позиции в структуре экспорта не только в относительных, но в абсолютных значениях. По данным на 2021 г., доля мясного направления (производство охлажденной, замороженной и свежей свинины) достигает 55 % (31 млн долл.) в общей структуре экспорта Псковской области.

Такие изменения стали причиной переориентации в зарубежных поставках сельхозпродукции с ближних связей на дальние. Так, если в 2010—2013 г. доля стран Европы (прежде всего Прибалтийских стран) превышала в продовольственном экспорте 80 %, то в 2019—2022 гг. в среднем она была меньше 20 %. В последние годы ключевыми странами для зарубежного экспорта продовольственной продукции стали Вьетнам, Китай и Казахстан.

Изменение структуры экспорта также наглядно демонстрирует смену сельскохозяйственного профиля региона. Производство экспортного продовольствия (продукты переработки свинины) базируется на местном сырье и усиленном росте этой сырьевой базы (поголовья свиней).

Таким образом, масштабная депопуляция, изменение внешней и внутренней конъюнктуры рынка, трансформация объемов и принципов государственной поддержки АПК, факторы спроса, в том числе со стороны Санкт-Петербурга, стали ключевыми факторами преобразования сельскохозяйственного профиля Псковской области с 2010-х гг.: к настоящему времени это регион с ярко выраженной свиноводческой специализацией с сопутствующим умеренным ростом валового сбора зерновых культур.

Ареалы распространения агрохолдингов в Псковской области

Кардинальная перестройка организационной структуры сельскохозяйственного производства в 2000—2010-е гг. в пользу доминирования сельскохозяйственных организаций была связана прежде всего с деятельностью агрохолдингов. Опрошенные нами эксперты отмечали, что успех агрохолдингов во многом связан с тем, что эти организации с учетом их масштаба лучше ориентируются в видах и способах получения государственной поддержки и, исходя из этого, грамотно выстраивают собственные планы развития (например, поддержка производства мяса свинины, говядины, птицы менялась в 2010—2020-е гг. с учетом ситуаций с обеспеченностью этими видами мяса).

По данным на 2024 г., на территории Псковской области ведут деятельность девять агрохолдингов (табл. 1). Они представляют собой преимущественно вертикально интегрированные структуры. Лишь два холдинга придерживаются принци-

па горизонтальной интеграции активов: это группа компаний «Нортагра» (растениеводство) и группа компаний «Идаванг Агро» (свиноводство). Среди агрохолдингов представлены как региональные, активы которых сосредоточены только в Псковской области (группа компаний «Великолукский мясокомбинат», группа компаний «Кабош», группа компаний «ПсковАгроИнвест»), так и межрегиональные, некоторые из которых охватывают своей деятельностью различные регионы Европейской части России.

Таблица 1

**Перечень агрохолдингов, ведущих деятельность
на территории Псковской области**

Агрохолдинг	Место расположение активов
Великолукский мясокомбинат	Псковская область
Назия	Ленинградская, Псковская области
Кабош	Псковская область
ПсковАгроИнвест	Псковская область
Идаванг	Псковская, Ленинградская области
А-1 первая генетическая компания	Вологодская область, Краснодарский край, Рязанская, Псковская области
Терра Нова	Санкт-Петербург, Ленинградская, Самарская, Псковская области
Нортагра	Калининградская, Псковская области
Лактика	Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская области

Специализации агрохолдингов разнятся. Большая часть работает в молочной отрасли, три холдинговых структуры занимаются свиноводством, по одному работают в сфере птицеводства и растениеводства. Большинство агрохолдингов имеют собственные земельные активы, преимущественно для выращивания кормовых культур.

Ареалами распространения агрохолдингов являются 18 из 24 районов Псковской области (табл. 2). Наибольший территориальный охват имеют два региональных агрохолдинга: Великолукский мясокомбинат (представлен в восьми муниципальных образованиях Псковской области) и группа компаний «Кабош» (охватывает шесть муниципальных образований). Их сельскохозяйственные активы располагаются достаточно компактно: на юге области (вблизи г. Великие Луки), на западе (Великолукский мясокомбинат) и на востоке (Кабош).

Таблица 2

Расположение и тип актива агрохолдингов на территории Псковской области

Район	Группа компаний	Тип актива
Бежаницкий район	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы, элеватор
Великолукский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Гдовский район	А-1 Первая генетическая компания	Земельные участки, молочно-товарная ферма
Дедовичский район	Терра Нова	Земельные участки, молочно-товарная ферма

Окончание табл. 2

Район	Группа компаний	Тип актива
Красногородский район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки, свинокомплексы
Куньинский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Локнянский район	Кабош	Земельные участки
Невельский район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки, свинокомплексы, комбикормовый завод
Новосокольнический район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Опочецкий район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Идаванг	Земельные участки
Островский район	Идаванг	Земельные участки, свинокомплексы
	Нортагра	Земельные участки
	Лактика	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Палкинский район	Идаванг	Земельные участки, свинокомплексы
	ПсковАгроИнвест	Молочный завод
	Терра Нова	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Порховский район	Лактика	Земельные участки, молочно-товарные фермы
	ПсковАгроИнвест	Свинокомплексы, мясокомбинат, элеватор
Псковский район	Идаванг	Земельные участки
	Назия	Земельные участки, птицефабрика
	ПсковАгроИнвест	Земельные участки, молочно-товарные фермы, свинокомплексы, мясокомбинат
Пыталовский район	ПсковАгроИнвест	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Усвятский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
г. Великие Луки	Великолукский мясокомбинат	Мясокомбинат
	Кабош	Земельные участки, молококомбинат
г. Псков	Назия	Земельные участки
	ПсковАгроИнвест	Элеватор

Активы группы компаний «ПсковАгроИнвест» расположены в четырех муниципальных образованиях, причем сельскохозяйственные активы охватывают всего три района вблизи Пскова (Псковский, Порховский, Пыталовский районы).

И агрохолдинги, предприятия которых расположены в Северо-Западном федеральном округе, и федеральные агрохолдинги стараются концентрировать свои активы в пределах одного муниципального образования Псковской области.

Таким образом, пространственная организация деятельности агрохолдингов отличается высокой концентрацией. Все «пришлые» агрохолдинги, за исключением

Идаванг, как правило, располагают свои активы в пределах одного муниципального образования. Особенности их размещения таковы, что в своей деятельности агрохолдинги практически не пересекаются в пространстве.

Самым крупным агрохолдингом Псковской области как по объему выручки, так и по количеству активов является Великолукский мясокомбинат (табл. 3). Объем его выручки в 13 раз превосходит ближайшего конкурента.

Таблица 3

Объем выручки агрохолдингов в 2023 г.

Агрохолдинг	Общая выручка, тыс. руб.	Выручка компаний, имеющих активы в Псковской области, тыс. руб.
Великолукский мясокомбинат	89 647 847	89 647 847
Кабош	6 802 318	6 802 318
Назия	3 550 639	3 550 639
ПсковАгроИнвест	2 376 059	2 376 059
Идаванг	4 717 384	1 443 709
Терра Нова	2 469 384	549 057
А-1 Первая генетическая компания	1 791 227	412 366
Лактика	6 525 972	121 500
Нортагра	387 380	32 695

Анализ открытых данных Минсельхоза России о предоставлении субсидий земщикам, претендующим на получение льготных кредитов за ряд лет показывает, что субсидии по данной мере поддержки в Псковской области на 30 % и более распределяются также между юридическими лицами, входящими в Великолукский мясокомбинат. Далее мы обратимся к более подробному анализу размещения активов данного холдинга и его влияния на территориально-отраслевую структуру сельскохозяйственного производства.

Влияние размещения активов группы компаний «Великолукский мясокомбинат» на территориально-отраслевую организацию сельскохозяйственного производства

Группа компаний «Великолукский мясокомбинат» была основана в 2000-х гг., но основное развитие произошло в 2010-е гг. Деятельность группы компаний сосредоточена на свиноводстве, но помимо этого профиль работы охватывает выращивание зерновых культур, производство комбикормов. В состав холдинга также входят собственная торговая сеть и транспортно-логистический комплекс. Организационная структура представлена двумя основными компаниями: ОАО «Великолукский мясокомбинат» и взаимосвязанными предприятиями ООО «ВСГЦ» и ООО «Великолукский свиноводческий комплекс», которые занимаются сельскохозяйственной деятельностью и производством комбикормов.

Активы компании включают 56 свинокомплексов в шести районах Псковской области (в Великолукском, Красногородском, Куньинском, Невельском, Опочецком и Усвятском). Строительство агрохолдингов началось в 2012 г. в Невельском районе, затем в середине 2010-х гг. переместилось в Усвятский и Великолукский районы, продвигаясь постепенно в юго-восточном направлении. В 2019 г. агрохолдинг пришел на запад области, разместив свои активы в Красногородском и Опочецком районах. При этом агрохолдинг продолжает развивать деятельность и на юге области (рис. 4).

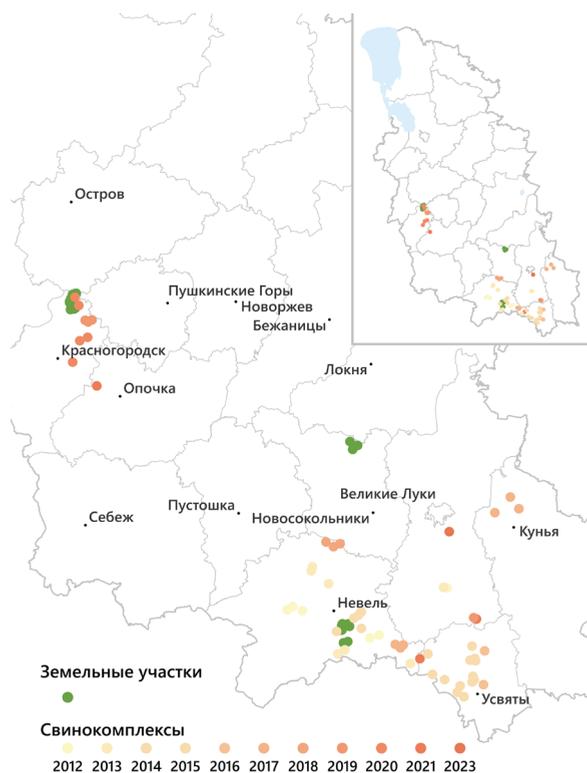

Рис. 4. Динамика распространения активов группы компаний «Великолукский мясокомбинат»

Кроме того, в составе холдинга находится 31 земельный участок, предназначенный для выращивания зерновых культур общей площадью более 3,5 тыс. га. Это позволяет предположить, что компания помимо собственного производства кормов закупает либо готовые корма у других производителей, либо зерно для производства собственных комбикормов. Посевные площади компании компактно расположены в трех районах Псковской области в небольшом удалении от свинокомплексов: в Красногородском (вблизи д. Дятлово и Котяги), Новоскольническом (вблизи д. Горожане) и Невельском районах (вблизи д. Дубище и Тычкино). Общая посевная площадь в каждом районе приблизительно равна и составляет более 1 тыс. га.

Проводимые нами экспертные интервью неоднократно подтверждали, что одной из ключевых проблем сельского хозяйства в периферийных районах является отсутствие кадров, а в имеющихся небольших сельскохозяйственных организациях — низкая, неконкурентоспособная заработная плата (в сравнении с торговлей, например). «Вымирание традиционного хозяйства» — так ряд экспертов характеризует ситуацию в сельском хозяйстве в районах, куда стремятся агрохолдинги. Работа на фермах, входящих в состав холдинга, чаще всего обеспечивает достойный уровень заработной платы.

Определенную роль играет транспортное положение относительно центров расселения, так как агрохолдинги чаще всего используют подвоз кадров для работы из недалеко расположенных городских центров. Причиной этому является стремительная депопуляция сельской местности и зачастую полное отсутствие кадров, которые могут и стремятся работать. Сопоставление карты размещения активов

группы компаний «Великолукский мясокомбинат» с транспортным каркасом территории также позволяет предположить, что компания ориентируется на удобную логистику. Так, в Невельском районе значительную часть работников свинокмплексов ежедневно привозят в том числе из-за пределов района, например из Великих Лук. По данным опрошенных экспертов, квалифицированные кадры и часть рядового персонала привлекают также из Беларуси.

Псковская область — регион значимых внутрирегиональных различий в уровне развития сельского хозяйства. Разрыв в объемах производства между районом-лидером и аутсайдером составляет более 100 раз. Процесс территориального сжатия сельскохозяйственного производства в Псковской области сопровождался формированием двух изолированных полюсов роста отрасли — вокруг Пскова и Великих Лук, что полностью совпадает с концентрацией активов крупнейших игроков рынка, главным из которых является Великолукский мясокомбинат.

Основной территориальный сдвиг в сельскохозяйственном производстве Псковщины явно коррелирует с описанным выше пополнением активов Великолукского мясокомбината (рис. 4, 5). Одни из наиболее отстающих районов в 2010 г. — Невельский и Усвятский — к концу десятилетия стали лидерами по объему производства сельскохозяйственной продукции в области. Также значительно увеличили объемы производства сельскохозяйственной продукции Красногородский, Куньинский и Великолукский районы. Соответственно, основные изменения территориальной структуры обусловлены изменениями в животноводческом секторе.

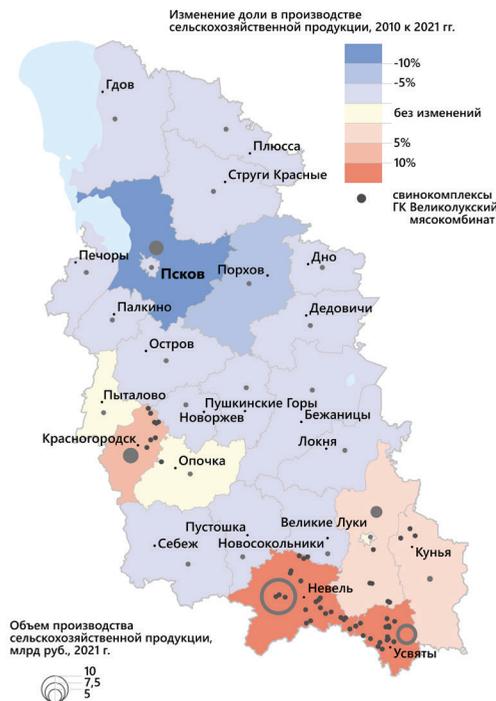

Рис. 5. Динамика производства сельскохозяйственной продукции в 2010–2021 гг.

Рост производства наблюдается и в Псковском районе, однако его удельный вес в общем объеме сельскохозяйственного производства области заметно сокращается. Расположенный здесь агрохолдинг ПсковАгроИнвест не сопоставим по масштабам и темпам развития с Великолукским мясокомбинатом.

В растениеводстве наблюдается несколько иная ситуация (рис. 6). Наибольшие темпы роста показывают Островский, Палкинский и Пыталовский районы. На них приходится почти 15 % всей растениеводческой продукции области. В районах, где располагаются посевные площади зерновых и кормовых культур Великолукского мясокомбината, существенных изменений не отмечается, так как площадь посевов компании не столь велика.

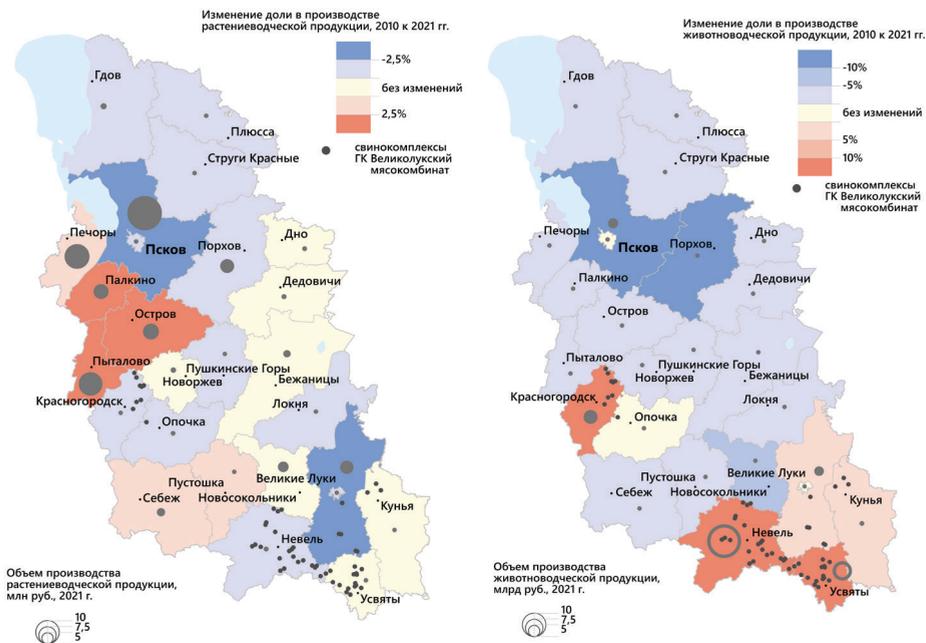

Рис. 6. Динамика производства продукции растениеводства и животноводства в 2010—2021 гг.

Значительные изменения коснулись производства скота и птицы на убой (рис. 7), особенно в Красногородском, Опочецком, Невельском, Великолукском, Куньинском и Усвятском районах — местах концентрации свиноводческих площадок Великолукского мясокомбината. Присутствие такого агрогиганта привело к коренным изменениям в организационной структуре сельского хозяйства — полному вытеснению производства скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах граждан. Сокращение доли производства в личных подсобных хозяйствах также отмечается в районах, близко расположенных к активам агрохолдинга, — Новоскольническом, Островском и Новоржевском.

Размеры посевных площадей зерновых и зернобобовых культур также существенно изменились (рис. 8). Наиболее сильно посевная площадь зерновых и зернобобовых культур сократилась на севере области — в Струго-Красненском и Дедовичском районах — сокращение составило более 50 %. В районах, расположенных около Пскова и Псковского района, наблюдается обратная динамика — посевная площадь зерновых и зернобобовых значительно увеличивается. То же самое наблюдается и вблизи г. Великие Луки. Деятельность Великолукского мясокомбината мало сказалась на территориальной организации производства зерновых и зернобобовых культур. Лишь в Невельском районе отмечается существенное увеличение посевных площадей, и это было достигнуто за счет эффекта низкой базы.

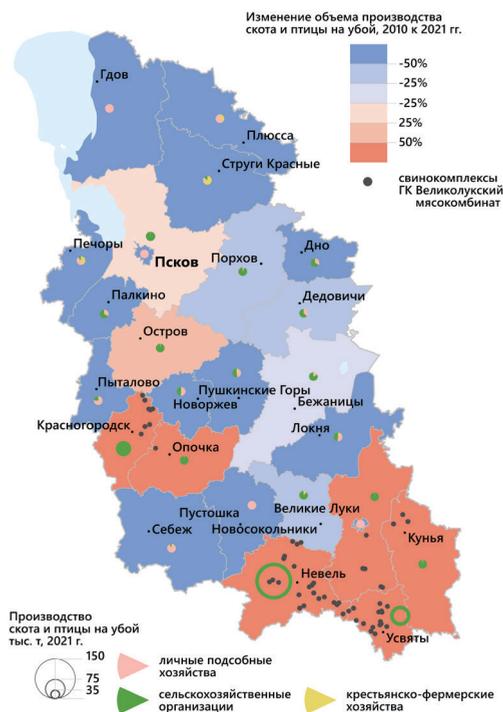

Рис. 7. Динамика объемов производства скота и птицы на убой в 2010—2021 гг.

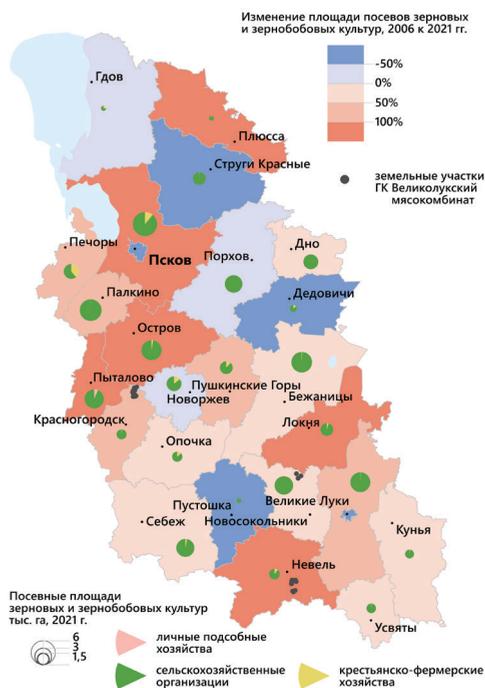

Рис. 8. Динамика площади посевов зерновых и зернобобовых культур в 2006—2021 гг.

Наше исследование на материалах Псковской области показывает, что крупные агрохолдинги являются главным фактором территориальных, отраслевых и организационных изменений в сельском хозяйстве. Развитие агрохолдингов идет параллельно с процессом кардинальной перестройки организационной структуры производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции, становясь, с одной стороны, причиной упадка малых форм хозяйствования, а с другой — его следствием. Распространение агрохолдингов привело к восстановительному росту сельского хозяйства и коренным образом изменило сельскохозяйственный профиль области. После 2010 г. она превратилась в регион с выраженной свиноводческой специализацией, при этом в большинстве отраслей, за исключением зерноводства, обеспечивающего кормовой базой свиней, так и не были достигнуты даже показатели 2000 г., не говоря уже о показателях 1991 г.

Выводы

Кризисные явления в сельском хозяйстве Псковской области в 1990-е гг. происходили во многом тяжелее, чем в других частях страны, в силу глубины процессов депопуляции, особенностей специализации и географического положения региона. Соседство с Беларусью, где сельское хозяйство получало существенную поддержку от государства, сделало прежние региональные отрасли специализации (льноводство, молочно-мясное скотоводство) неконкурентоспособными. Сельское население вследствие кризиса экономики ускоренными темпами стягивалось в ближайшие агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. В результате личные подсобные и фермерские хозяйства на фоне деградировавшей колхозной системы лишь в первое постсоветское десятилетие были опорой сельхозпроизводства, а уже в 2000-е гг. и особенно после 2010 г. ведущую роль в большинстве отраслей начали играть агрохолдинги. Подобные тенденции представляются весьма типичными для периферийных приграничных регионов с выраженным оттоком населения, с наличием ярких институциональных градиентов в развитии экономики по сравнению с сопредельной страной и при этом с логистически удобным доступом к рынкам сбыта.

Влияние агрохолдингов приводит к последовательному переходу от первоначального пространственного сжатия сельского хозяйства и агломерирования в прицентральных районах к экспансии в периферийные районы с легким доступом к свободной земле и низкой плотностью сельского населения. Последнее особенно актуально для развития свиноводческого направления. Это хорошо иллюстрируется на примере Псковской области.

Приграничное положение по-разному влияет на крупные холдинги и на малые и средние формы хозяйствования. Конкуренция с производителями из сопредельной страны (можно ее не выдержать и прекратить деятельность), а также протекционистские меры внешних рынков играют значимую роль для небольших сельскохозяйственных организаций. В то же время для крупных холдингов приоритетное значение имеют скорее емкость рынка окружающей территории и платежеспособность населения. Так, рынок стран ЕС до введения санкционных ограничений был одним из важных факторов развития агрохолдингов в Псковской области. Адаптационная способность крупных холдингов очень велика. Рост государственной поддержки агропромышленного комплекса в новых условиях использовался агрохолдингами для успешного освоения внутреннего рынка, а зарубежный экспорт переориентировался на дальние связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Сопоставительный анализ динамики производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции и распространения активов агрохолдинга в пределах региона позволил выделить ряд значимых тенденций. Пример смещения активности

Великолукского мясокомбината на юго-запад Псковской области иллюстрирует типичные последствия для сельских сообществ в периферийных регионах. Так, на юго-западе области наблюдается почти полное исчезновение скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах, что «подрывает» экономику сельских сообществ и усиливает депопуляцию. Несмотря на то что предприятия агрохолдинга предлагают конкурентоспособную заработную плату, они имеют достаточно высокую производительность труда и не нуждаются в большом числе наемных работников. Некоторые предприятия практикуют подвоз работников из близлежащих городских центров и даже соседней Беларуси. Кроме того, депопуляция сельской местности снижает вероятность конфликтов при расширении ферм и соответствующих санитарно-защитных зон. На основании проведенных интервью с экспертами можно утверждать, что животноводческие агрохолдинги в целом и Великолукский мясокомбинат в частности нередко являются бенефициарами социального опустынивания сельской местности. Особо значимых территориально-отраслевых изменений в растениеводстве в связи с деятельностью агрохолдингов не происходит. Ареалы возделывания разных культур довольно стабильны в последние годы, а корреляция с деятельностью свиноводческих комплексов ожидаемо наблюдается в зерновом хозяйстве (особенно в отношении объемов производства зерна).

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 24-27-00400 «Адаптация функций и территориальных структур приграничных регионов России в условиях рестрикций».

Список литературы

1. Loizou, E., Karelakis, C., Galanopoulos, K., Mattas, K. 2019, The role of agriculture as a development tool for a regional economy, *Agricultural Systems*, vol. 173, p. 482—490, <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2019.04.002>
2. Нефедова, Т. Г. 2022, Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 86 (1), с. 69—81, <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101>
3. Барсукова, С. Ю. 2016, Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 63—74. EDN: WMNVAV
4. Erokhin, V. 2014, WTO Agreement on agriculture and its implication on rural development policies in Russia EU agrarian law, vol. 3, № 1, p. 31—36, <https://doi.org/10.2478/eual-2014-0005>
5. Бредникова, О. Е. 2007, Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины», *Российский научный журнал*, № 1, с. 32—37. EDN: JWQRQJ
6. Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А., Новикова, А. А., Калиновский, Л. В. 2022, Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Наука о Земле*, т. 67, № 3, с. 409—430, <https://doi.org/10.21658/spbu07.2022.302>
7. Морачевская, К. А., Лялина, А. В. 2023, Влияние продовольственного эмбарго на потребительские предпочтения и трансграничные практики населения Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
8. Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. 2012, Oligarchs, megafarms and land reserves: understanding land grabbing in Russia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, № 3-4, p. 899—931, <https://doi.org/10.1080/03066150.2012.675574>
9. Hermans, F. L. P., Chaddad, F. R., Gagalyuk, T., Senesi, S., Balmann, A. 2017, The emergence and proliferation of agroholdings and mega farms in a global context, *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 20, № 2, p. 175—186, <https://doi.org/10.22434/IF-AMR2016.0173>

10. Matyukha, A., Voigt, P., Wolz, A. 2017, Agro-holdings in Russia, Ukraine and Kazakhstan: temporary phenomenon or permanent business form? Farm-level evidence from Moscow and Belgorod regions, *Post-Communist Economies*, vol. 27, iss. 3, p. 370—394, <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1055976>

11. Узун, В. 2012, Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования, в: *Земельная аккумуляция в начале XXI в.: глобальные инвесторы и локальные сообщества*, М., Дело, с. 126—142. EDN: UBCMVD

12. Kuns, B., Visser, O. 2016, Towards an agroholding typology: differentiating large farm companies in Russia and Ukraine, *Agricultural Economic Society Annual Conference*, University of Warwick.

13. Davydova, I., Franks, J. 2015, The rise and rise of large farms: why agroholdings dominate Russia's agricultural sector, *Mir Rossii*, vol. 24, № 3, p. 133—159.

14. Grouiez, P. 2018, Understanding Agro-Holdings in Russia: A Commonsian Analysis, *Journal of Economic Issues*, vol. 52, № 4, p. 1010—1035, <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1527583>

15. Узун, В. Я., Шагайда, Н. И., Сарайкин, В. А. 2012, Агрохолдинги России и их роль в производстве зерна, Будапешт. EDN: TFLNNX

16. Шагайда, Н. И. 2020, Подходы к оценке размеров агрохолдингов, *Вопросы экономики*, № 10, с. 105—116, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-105-116>

17. Uzun, V. Y., Lerman, Z., Shagaida, N. I. 2021, Russian agroholdings and their role in agriculture, *Post-Communist Economies*, vol. 33, № 8, p. 1035—1055, <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.1886787>

18. Эпштейн, Д. Б. 2008, Агрохолдинги — форма вертикальной интеграции, *Экономика сельского хозяйства России*, № 9, с. 60—66. EDN: KPSPUB

19. Wandel, J. 2011, Business groups and competition in post-Soviet transition economies: The case of Russian “agroholdings”, *The Review of Austrian Economics*, vol. 24, p. 403—450, <https://doi.org/10.1007/s11138-011-0152-6>

20. Гусаков, Т. Ю. 2020, Сельский Крым и его агрохолдинги, *Крестьяноведение*, т. 5, № 2, с. 106—129, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-2-106-129>

21. Носонов, А. М. 2019, Агрохолдинги как форма организационно-управленческих инноваций в агропромышленном комплексе, *Вестник Рязанского государственного университета*, № 4, с. 108—121. EDN: ЕКРСАН

22. Носонов, А. М. 2020, ГИС-технологии исследования территориальной дифференциации и эффективности агрохолдингов в России, *Интеркарто. Интергис*, № 3, с. 132—146, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-3-26-132-146>

23. Лихневская, Н. В., Чугунова, Н. В., Полякова, Т. А., Комкова, А. И. 2017, Агрохолдинги в Белгородской области: значение в экономике и жизнедеятельности населения сельских территорий, *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика*, № 2, с. 5—14. EDN: YIZQDX

24. Нефедова, Т. Г. 2014, Агропромышленная концентрация в российских регионах, *ЭКО*, № 4, с. 64—82. EDN: QESOMS

25. Нефедова, Т. Г. 2017, Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 7—18, <https://doi.org/10.7868/S0373244417050012>

26. Нефедова, Т. Г. 2019, Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России, *Пространственная экономика*, № 4, с. 36—56, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>

27. Шелудков, А. В. 2017, Постсоветская трансформация территориальной структуры сельского хозяйства юга Тюменской области, *Региональные исследования*, № 4, с. 93—103. EDN: YQUELQ

28. Нефедова, Т. Г. 2012, Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 3, с. 5—21. EDN: PAGJLN

29. Нефедова, Т. Г. 2013, Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность, *Мир России: социология, этнология*, № 1, с. 29—61. EDN: PVKGBV

30. Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А. 2020, Институциональные градиенты в российско-белорусском приграничье (на примере условий развития агропромышленного комплекса), *Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019. Материалы III международной научно-практической конференции*. EDN: REFWFF
31. Hahlbrock, K., Hockmann, H., Schmitz, A., Meyers, W. 2015, Does agroholding membership increase productivity and efficiency in Russian agriculture? Evidence from agroholdings in the Belgorod Oblast, in: Schmitz, A., Meyers, W.H. (eds.), *Transition to Agricultural Market Economies: The Future of Kazakhstan, Russia and Ukraine*, p. 122—132, <https://doi.org/10.1079/9781780645353.012>
32. Ostapchuk, I., Gagalyuk, T., Curtiss, J. 2021, Post-acquisition integration and growth of farms: the case of Ukrainian agroholdings, *The International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, №4, p. 615—636, <https://doi.org/10.22434/IFAMR2020.0188>
33. Cramb, R., Manivong, V., Newby, J.C., Sothorn, K., Sibat, P.S. 2017, Alternatives to land grabbing: exploring conditions for smallholder inclusion in agricultural commodity chains in Southeast Asia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 44, №4, p. 813—841, <https://doi.org/10.1080/03066150.2016.1242482>
34. Нефедова, Т.Г. 2022, Геоэкономические изменения агрокомплекса России в новых геополитических условиях, *Региональные исследования*, №2, с. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
35. Клейменов, С.П. 2012, Территориальная организация хозяйства и населения Псковской области: история и современность, в: Катровский, А.П., Ковалев, Ю.П. (ред.), *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*, Смоленск, Универсум, с. 128—165.
36. Zhen, L., Deng, X., Wei, Y. et al. 2014, Future land use and food security scenarios for the Guyuan district of remote western China, *iForest: Biogeosciences and Forestry*, vol. 7, №6, p. 372—384, <https://doi.org/10.3832/ifer1170-007>
37. Kuhmonen, I., Siltaoja, M. 2022, Farming on the margins: Just transition and the resilience of peripheral farms, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 43, p. 343—357, <https://doi.org/10.1016/j.eist.2022.04.011>
38. Salvatore, R., Chiodo, E. 2024, Farmers' permanence in peripheral rural areas. Place-based values as drivers of resistance beyond the decline, *Qual Quant*, vol. 58, p. 249—274, <https://doi.org/10.1007/s11135-023-01642-7>

Об авторах

Кира Алексеевна Морачевская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

Елена Александровна Лыжина, аспирантка, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: helen.lyzhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3114-909X>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: kms@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ADAPTATION OF THE TERRITORIAL ORGANISATION OF AGRICULTURE IN A PERIPHERAL REGION TO THE OPERATIONS OF AGRICULTURAL HOLDINGS

K. A. Morachevskaya^{1, 2}

E. A. Lyzhina¹

A. B. Sebentsov¹

M. S. Karpenko¹

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
29 Staromonentny Pereulok, Moscow, 119017, Russia

² Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 30 August 2024

Accepted 07 November 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

© Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A.,
Sebentsov, A. B., Karpenko, M. S., 2024

Agricultural holdings are often cited as the main beneficiaries, on the one hand, of organisational and structural changes in Russian agriculture during the post-Soviet period, and on the other, of the transformation of state policy in response to contemporary geopolitical challenges. This paper examines the adaptation of the territorial and sectoral structure of agriculture in a socioeconomically peripheral region in response to the expansion of agricultural holdings. This study draws on official statistical data, the SPARK database, resources from the VetIS Federal State Information System, the Unified Federal Information System on Agricultural Land, and the authors' extensive field research. The study demonstrated that the operations of agricultural holdings can completely transform the agricultural profile of a non-Chernozem region with a declining population in terms of specialisation and organisational structure, leading to economic recovery in agriculture. The example of the Pskov region illustrates how the expansion of agroholding assets is swiftly extending into peripheral areas with abundant land and low rural population density. The interviews confirmed that livestock agricultural holdings, primarily those specialising in pork production, benefit from the social desertification of rural areas. This is accompanied by a further weakening of rural community economies, as livestock and poultry have completely disappeared from private and subsistence farms. The new pork production specialisation in the Pskov region has, as expected, led to other changes in agriculture, including an increase in grain farming. While production volumes have risen, new territorial centres have not emerged.

Keywords:

agriculture, adaptation, Pskov region, food embargo, sanctions, spatial compression

To cite this article: Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A., Sebentsov, A. B., Karpenko, M. S. 2024, Adaptation of the territorial organisation of agriculture in a peripheral region to the operations of agricultural holdings, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 121–144. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

References

1. Loizou, E., Karelakis, C., Galanopoulos, K., Mattas, K. 2019, The role of agriculture as a development tool for a regional economy, *Agricultural Systems*, vol. 173, p. 482—490, <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2019.04.002>
2. Nefedova, T.G., Treivish, A.I., Sheludkov, A.V. 2022, Spatially Uneven Development in Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 1, p. 4—19, <https://doi.org/10.1134/S2079970522020071>
3. Barsukova, S. 2016, The dilemma of the «farmers vs agricultural holdings» in the context of import substitution, *Social Sciences and Contemporary World*, № 5, p. 63—74. EDN: WMNVAV
4. Erokhin, V. 2014, WTO Agreement on agriculture and its implication on rural development policies in Russia EU agrarian law, vol. 3, № 1, p. 31—36, <https://doi.org/10.2478/eual-2014-0005>
5. Brednikova, O.E. 2007, Interpreting the borderland: metaphors of “window”, “mirror” and “showcase”, *Russian scientific journal*, № 1, p. 32—37. EDN: JWQRQJ
6. Voloshenko, K., Morachevskaya, K., Novikova, A., Lyzhina, E., Kalinovskiy, L. 2022, Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 3, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
7. Morachevskaya, K. A., Lialina, A. V. 2023. The impact of the food embargo on consumer preferences and cross-border practices in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 15, № 2, p. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
8. Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. 2012, Oligarchs, megafarms and land reserves: understanding land grabbing in Russia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, № 3-4, p. 899—931, <https://doi.org/10.1080/03066150.2012.675574>
9. Hermans, F.L.P., Chaddad, F.R., Gagalyuk, T., Senesi, S., Balmann, A. 2017, The emergence and proliferation of agroholdings and mega farms in a global context, *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 20, № 2, p. 175—186, <https://doi.org/10.22434/IF-AMR2016.0173>
10. Matyukha, A., Voigt, P., Wolz, A. 2017, Agro-holdings in Russia, Ukraine and Kazakhstan: temporary phenomenon or permanent business form? Farm-level evidence from Moscow and Belgorod regions, *Post-Communist Economies*, vol. 27, iss. 3, p. 370—394, <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1055976>
11. Uzun, V. 2012, Agricultural holdings of Russia: identification, classification, role, concentration of land use, in: Nikulin, A. M. (ed.), *Land accumulation at the beginning of the 21st century: global investors and local communities*, M., Delo, p. 126—142. EDN: UBCMVD
12. Kuns, B., Visser, O. 2016, Towards an agroholding typology: differentiating large farm companies in Russia and Ukraine, *Agricultural Economic Society Annual Conference*, University of Warwick.
13. Davydova, I., Franks, J. 2015, The rise and rise of large farms: why agroholdings dominate Russia’s agricultural sector, *Mir Rossii*, vol. 24, № 3, p. 133—159.
14. Grouiez, P. 2018, Understanding Agro-Holdings in Russia: A Commonsian Analysis, *Journal of Economic Issues*, vol. 52, № 4, p. 1010—1035, <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1527583>
15. Uzun, V., Shagaida N., Saraikin, V. 2012, *Agricultural holdings of Russia and their role in grain production*, FAO, Budapest. EDN: TFLNNX
16. Shagaida, N.I. 2020, Assessing the size of agricultural holdings, *Voprosy Ekonomiki*, № 10, p. 105—116, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-105-116>
17. Uzun, V. Y., Lerman, Z., Shagaida, N.I. 2021, Russian agroholdings and their role in agriculture, *Post-Communist Economies*, vol. 33, № 8, p. 1035—1055, <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.1886787>
18. Epstein, D. 2008, Agroholdings — as a form of vertical integration, *Economics of Agriculture of Russia*, № 9, p. 60—66. EDN: KPSPUB
19. Wandel, J. 2011, Business groups and competition in post-Soviet transition economies: The case of Russian “agroholdings”, *The Review of Austrian Economics*, vol. 24, p. 403—450, <https://doi.org/10.1007/s11138-011-0152-6>

20. Gusakov, T. Yu. 2020, Rural Crimea and its agroholdings, *Russian Peasant Studies*, vol. 5, № 2, p. 106—129, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-2-106-129>
21. Nosov, A. M. 2019, Agrarian holdings as a form of organizational and managerial innovations in agro-industrial complexes, *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, № 4, p. 108—121. EDN: EKPCAИ
22. Nosov, A. M. 2020, GIS-technologies of research of territorial differentiation and efficiency of agroholdings in Russia, *InterCarto. InterGIS*, № 3, p. 132—146, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-3-26-132-146>
23. Likhnevskaya, N. V., Chugunova, N. V., Polyakova, T. A., Komkova, A. I. 2017, Agricultural holdings in the Belgorod region: the value in the economy and living standards in rural areas, *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Economics. Information technologies*, № 2, p. 5—14. EDN: YIZQDX
24. Nefedova, T. G. 2014, Agroindustrial concentration in Russian regions, *ECO*, № 4, p. 64—82. EDN: QESOMS
25. Nefedova, T. G. 2017, Twenty-five years of post-soviet Russian agriculture: geographic trends and contradictions, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 7—18, <https://doi.org/10.7868/S0373244417050012>
26. Nefedova, T. G. 2019, Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia, *Spatial Economics*, № 4, p. 36—56, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
27. Sheludkov, A. V. 2017, Post-soviet transformation of the territorial structure of the agriculture in the south of Tyumen oblast, *Regional Research*, № 4, p. 93—103. EDN: YQUELQ
28. Nefedova, T. G. 2012, Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 2, № 1, p. 41—54, <https://doi.org/10.1134/S2079970512010078>
29. Nefedova, T. G. 2013, The Transformation of Agriculture in Russia: Myths and Realities, *Universe of Russia*, № 1, p. 29—61. EDN: PVKGBV
30. Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A. 2020, Institutional gradients in the Russian-Belarusian borderland (on the example of conditions for the development of agriculture and food production), *Baltic region — the region of cooperation — 2019, Kaliningrad*. EDN: REFWFF
31. Hahlbrock, K., Hockmann, H., Schmitz, A., Meyers, W. 2015, Does agroholding membership increase productivity and efficiency in Russian agriculture? Evidence from agroholdings in the Belgorod Oblast, in: Schmitz, A., Meyers, W. H. (eds.), *Transition to Agricultural Market Economies: The Future of Kazakhstan, Russia and Ukraine*, p. 122—132, <https://doi.org/10.1079/9781780645353.012>
32. Ostapchuk, I., Gagalyuk, T., Curtiss, J. 2021, Post-acquisition integration and growth of farms: the case of Ukrainian agroholdings, *The International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, № 4, p. 615—636, <https://doi.org/10.22434/IFAMR2020.0188>
33. Cramb, R., Manivong, V., Newby, J. C., Sothorn, K., Sibat, P. S. 2017, Alternatives to land grabbing: exploring conditions for smallholder inclusion in agricultural commodity chains in Southeast Asia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 44, № 4, p. 813—841, <https://doi.org/10.1080/03066150.2016.1242482>
34. Nefedova, T. G. 2022, Geo-economic changes in agro-complex of Russia under the new geopolitical realities, *Regional Research*, № 2, p. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
35. Kleimenov, S. P. 2012, Territorial organization of the economy and population of the Pskov region: history and modernity, in: *Russian-Belarusian borderland: twenty years of changes*, Smolensk, Universum, p. 128—165.
36. Zhen, L., Deng, X., Wei, Y. et al. 2014, Future land use and food security scenarios for the Guyuan district of remote western China, *iForest: Biogeosciences and Forestry*, vol. 7, № 6, p. 372—384, <https://doi.org/10.3832/ifor1170-007>
37. Kuhmonen, I., Siltaoja, M. 2022, Farming on the margins: Just transition and the resilience of peripheral farms, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 43, p. 343—357, <https://doi.org/10.1016/j.eist.2022.04.011>
38. Salvatore, R., Chiodo, E. 2024, Farmers' permanence in peripheral rural areas. Place-based values as drivers of resistance beyond the decline, *Qual Quant*, vol. 58, p. 249—274, <https://doi.org/10.1007/s11135-023-01642-7>

The authors

Dr. Kira A. Morachevskaya, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

Elena A. Lyzhina, PhD Student, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: helen.lyzhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3114-909X>

Dr. Alexander B. Sebentsov, Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Mikhail S. Karpenko, Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kms@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))